

ТЕТРАДЬ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

ПУРИМ

11 тем для изучения и обсуждения за праздничным столом

Одиннадцать вопросов из урока рава Рафаэля Бенизри «Пурим: Мегила в настоящем»: почему Амалек рождается из наших собственных раздоров, кто такой «царь» в книге, где имя Б-га ни разу не написано, и почему Эстер, оставшаяся заложницей во дворце, ещё не сказала своего последнего слова.

Рав Рафаэль Бенизри

Содержание

Темы для размышления и вопросы для обсуждения за столом Пурима

-
- 01 Дворцовая интрига?
 - 02 Это мы порождаем Амалека
 - 03 «Царь» — без уточнений
 - 04 Адон: власть, которую не оставляют себе
 - 05 Аман и Мордехай записаны в Торе
 - 06 Эстер, заложница во дворце
 - 07 «Если ты промолчишь, спасение придёт из другого места»
 - 08 Йехудим в изгнании, Израиль на своей земле
 - 09 За пределами знания
 - 10 Эстер не сказала последнего слова
 - 11 Почему Адар Шени?
-

Дворцовая интрига?

ВВЕДЕНИЕ

Некоторые критики читают Мегилу как придворную интригу: царь, мстящий своей жене, ассимилированные евреи с персидскими именами, Аман, завидующий чужой должности. Прежде чем ответить им, Рав напоминает, как читают Тору: не глазами прошлого, а обратившись к будущему.

ВОПРОС

Почему рассказ об Эстер нельзя свести к истории о зависти и сговорах при персидском дворе?

ОТВЕТ

Рав: *«Прошлое — это следы, отметины, оставленные на пути».*

Если внимательно следовать тексту, всегда замечаешь параллель между тем, что он говорит, и тем, что происходит в мире. Прошлое — лишь совокупность симанам, следов, оставленных на пути; через него мы прозреваем будущее. Текст прошлого всегда проецируется на будущее.

Конечно, можно читать Мегилу так, как это делают некоторые критики: Ахашверош мстит жене, отказавшейся ему повиноваться; Мордехай и Эстер с их персидскими именами — придворные евреи, держащиеся за свои места; Аман хочет стать вторым после царя, а Мордехай играет роль осведомителя, раскрывая заговор Бигтана и Тереша.

Но ради подобной интриги не установили бы праздник и не придали бы ему того значения, которое он имеет, — значения завершения истории еврейского народа. Мегила разворачивает тайну еврейской истории среди народов.

ВЫВОД РАВА

Мы тоскуем не по ушедшему прошлому, а по прошлому, которое хотим привести к его цели.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Наши семейные истории тоже можно рассказать как простое соперничество. Какой эпизод нашей собственной истории мы свели к делу интересов или зависти? Чем бы он стал, если бы мы прочли его как след, оставленный для нашего будущего?

Это мы порождаем Амалека

ВВЕДЕНИЕ

Для Рава Амалек — прежде всего не враг, пришедший извне. Он возникает всякий раз, когда в пути появляются признаки усталости, и процветает на наших расколах. Падение Первого и Второго Храма тому свидетельство.

ВОПРОС

Если Амалек «не существует в реальности, когда мы его не порождаем», откуда он черпает свою силу — и что должно по-настоящему нас тревожить?

ОТВЕТ

Рав: «Амалека порождаем мы сами».

Амалек нападает на нас, когда мы в пути и останавливаемся: мы устали, снимаем фартук и говорим себе, что другие продолжат. Именно оставляя другим заботу подхватить эстафету, мы открываем ему дверь. Он рождается из того, что народ слагает с себя ответственность, и питается его расколом на части.

Спросите историю: когда был разрушен Первый Храм, внутри народа сложились течения, которые вели непрерывную борьбу, и враг этим воспользовался. То же самое со Вторым Храмом. Если бы народ выступил единым фронтом, если бы он был по-настоящему убежден в своём замысле будущего, другие народы не имели бы над ним никакой власти.

Над внешними врагами мы уверены в победе: барух Ашем, мы выстояли перед всеми гонениями, с той незаметной рукой Провидения, что сопровождает наш путь. Ослабляет же нас всегда внутренняя борьба, которую нам не удаётся направить к достойной цели.

ВЫВОД РАВА

Опасаться всегда нужно раздоров внутри народа.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

И в семье, и в народе внутренние ссоры открывают дверь тому, что приходит извне. Какой раскол у нас длится слишком долго? К какой общей «достойной цели» мы могли бы его направить?

«Царь» — без уточнений

ВВЕДЕНИЕ

Имя Ашема нигде не появляется в Мегиле. И всё же, говорит Рав, Он постоянно в ней присутствует. Достаточно уметь читать слово, которое возвращается снова и снова: а-мелех, царь.

ВОПРОС

Как Б-г может быть повсюду в книге, где Его имя ни разу не написано?

ОТВЕТ

«Ахашверош, который царствовал от Индии до Куша над ста двадцатью семью областями» (Эстер 1:1).

Б-жественное Провидение скроется, наденет маску: его не будет видно. Имя Ашема не появляется в Мегиле. Но это не значит, что Его там нет: Он присутствует постоянно.

Ибо нужно сделать исключение для царя в первом стихе: там действительно Ахашверош царствует от Индии до Куша над ста двадцатью семью областями. Но все остальные упоминания а-мелех указывают на это Провидение, на Владыку вселенной, присутствующего в этом мире.

Почему мы Его не видим? Потому что у нас нет ключей к такому видению Б-га, которое выходит за пределы того, что может открыть нам текст. Присутствие здесь, под маской; это наш взгляд должен научиться его узнавать.

ВЫВОД РАВА

Имя Ашема не появляется в Мегиле, но это не значит, что Его там нет: Он присутствует постоянно.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Бывают периоды, когда не видишь руки Б-га в своей жизни. Пусть каждый вспомнит «царя без имени» в своём году — событие, встречу, — за которым сегодня узнаёт Провидение. Видел ли он это в тот момент?

Адон: власть, которую не оставляют себе

ВВЕДЕНИЕ

Рав различает два способа постигать Б-га: в природе — как Творца, и в сознании — как Открывающего Себя. Между ними стоит человек, который тоже требует себе власти, господства, суверенитета.

ВОПРОС

Почему человек, притязавший на власть лишь для себя одного, впадает в своего рода идолопоклонство?

ОТВЕТ

Рав: «*Есть Б-г-Творец и Б-г, открывающий Себя: Б-г внешний — в силах природы, и Б-г внутренний — в человеческом сознании*».

Есть способ постигать Б-га в имманентном, через творение, и он нам очень близок, потому что мы сами можем притязать на звание адон, господина. Мы хотим властвовать над вещами, мы требуем суверенитета. Но эту относительную власть нельзя присвоить себе: она стала бы авода зара, идолопоклонством.

Ею нужно делиться со всеми и считать её даром Того, Кто властвует над всем и управляет миром.

Привить природе это сознание, пройти от маамар, творящего слова, к слову откровения, — это духовный путь, требующий много сил. Ибо то, что лежит в основе человека, его аднут — сегодня, замечает Рав, сказали бы: его ДНК, — то, из чего он соткан, исходит лишь из внутреннего постижения Б-жественного в нём, постижения четырёхбуквенного Имени.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Каждый где-то обладает властью: над детьми, на работе, в общественной организации. Как мы её проживаем — как собственность или как полученный дар, которым нужно делиться? Что изменил бы завтра этот второй взгляд?

Аман и Мордехай записаны в Торе

ВВЕДЕНИЕ

Наши мудрецы задают один и тот же вопрос о двух противниках рассказа: где Аман записан в Торе? И где записан Мордехай? Оба ответа умещаются в два слова — и они перекликаются.

ВОПРОС

Какие слова Торы уже несут имена Амана и Мордехая — и что они говорят о том, что воплощает каждый из них?

ОТВЕТ

«Не от того ли дерева, от которого Я запретил тебе есть, ты ел?» (Берешит 3:11); «чистая мирра», мор дор (Шмот 30:23).

Аман — это а-мин из стиха: не от того ли дерева, от которого Я запретил тебе есть? Это древо познания, воля человека утвердиться своим знанием, будто он может всего достичь, всё понять, всё подчинить власти всемогущего разума. Нет, говорит Рав, это невозможно.

Мордехай же происходит от мор дор. Дор означает свободу, а мор — благовоние: благовоние свободы. Это человек, способный помериться силами с любой ситуацией и твёрдо отстаивать свои убеждения перед гнетущим миром, который обрекает его на смерть.

Именно такой человек способен продолжить историю еврейского народа. И именно им завершается Мегила: Мордехай-иудей, тот, кто ищет блага своему народу.

ВЫВОД РАВА

Дор — это свобода, но это благовоние.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Аман — та часть нас, что хочет одержать верх надо всем; Мордехай — та, что держится своих убеждений, не стремясь всё подчинить. Что взяло верх в этом году в наших спорах за этим столом: потребность быть правым или благовоние свободы?

Эстер, заложница во дворце

ВВЕДЕНИЕ

Мегила завершается Мордехаем, ставшим заместителем царя. Об Эстер больше ничего не слышно. И всё же, говорит Рав, народ спас не Мордахай: он поднял тревогу. Спасла народ женщина.

ВОПРОС

Чем пожертвовала Эстер, чем не мог пожертвовать никто другой, — и почему она должна была остаться во дворце?

ОТВЕТ

Сара прожила сто двадцать семь лет (Берешит 23:1); Эстер царствует над ста двадцатью семью областями.

Эстер обрекла себя жить с Ахашверошем, и о ней больше ничего не слышно. Чтобы понять, что позволило ей царствовать над ста двадцатью семью областями, нужно сопоставить её с Сарой, княгиней, которая любой ценой защищала идентичность народа, без компромиссов с Ишмаэлем, и оставалась верной все свои сто двадцать семь лет. Эстер — того же закала.

Но есть разница. Ашем остановил руку Авраама: если тебе нужно чем-то пожертвовать, пожертвуй своей животной природой, не жертвуй собой. У Эстер жертва осуществилась: она осталась во дворце как заложница — еврейская личность в заложниках у народов.

Почему женщина? Потому что именно она может собрать элементы всех культур, отфильтровать их и вернуть к их источнику, как мы делаем с корбаном, жертвой, которая возносит неживое, растительное, животное и человека в восходящем огне. Собрать элементы культуры и очистить их от шлаков — такова главная тема Мегилы.

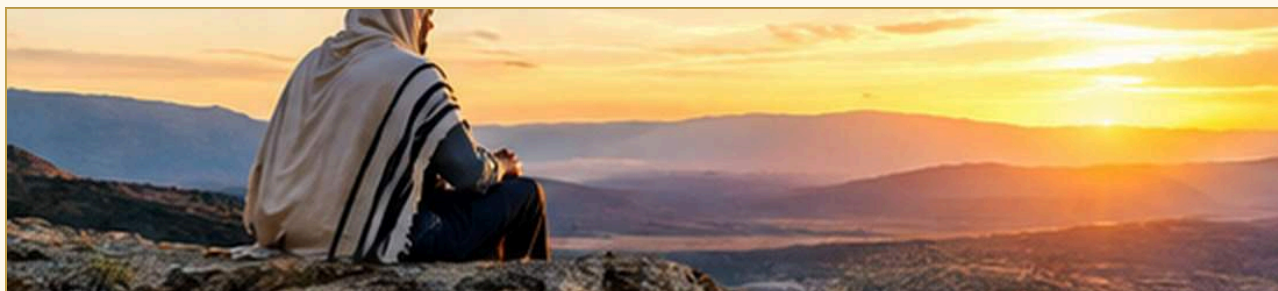
ВЫВОД РАВА

Мордахай поднял тревогу в народе, но спасла его женщина — Эстер.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

В каждой семье есть кто-то, кто остаётся «во дворце»: тот, кто ухаживает за родителем, держит дом, отказывается от своего, чтобы другие шли вперёд. Кто это у нас? И что мы делаем, чтобы он не исчез из рассказа?

«Если ты промолчишь, спасение придёт из другого места»

ВВЕДЕНИЕ

Эстер колеблется: к царю не являются, не будучи позванной. Мордехай не успокаивает её и не умоляет. Он отвечает, что спасение придёт в любом случае, но из другого места.

ВОПРОС

Если народ будет спасён в любом случае, зачем Эстер рисковать жизнью — и что значит «из другого места»?

ОТВЕТ

«Облегчение и избавление придут для иудеев из другого места» (Эстер 4:14); «а если погибнуть — погибну» (Эстер 4:16).

Мордехай говорит ей: внимание, если ты не явишься сама, если сама не сделаешь эту работу, знай, что спасение еврейского народа придёт из другого места. Это значит, что оно придёт от народов, с другой стороны. И как? Через Шоа: угрозу, которая отсекает большую часть народа и оставляет в живых лишь немногих.

Тогда Эстер преодолевает свои сомнения, колебания и страхи: раз нужно пожертвовать собой ради этого народа, как сделал Моше, — ка-ашер авадеги авадеги. Я исчезну в этом мире, я пожертвую своим будущим миром, чтобы спасти еврейский народ.

Народ всегда спрашивает себя, идёт ли Всевышний за ним: если Он здесь, разве мы не должны преодолевать все препятствия? Но именно поступок полного самоотречения, самоотдачи побуждает а-Кадош барух Ху привести в движение Свой замысел. Без Моше нет исхода из Египта; без Эстер нет избавления от воли Амана к уничтожению.

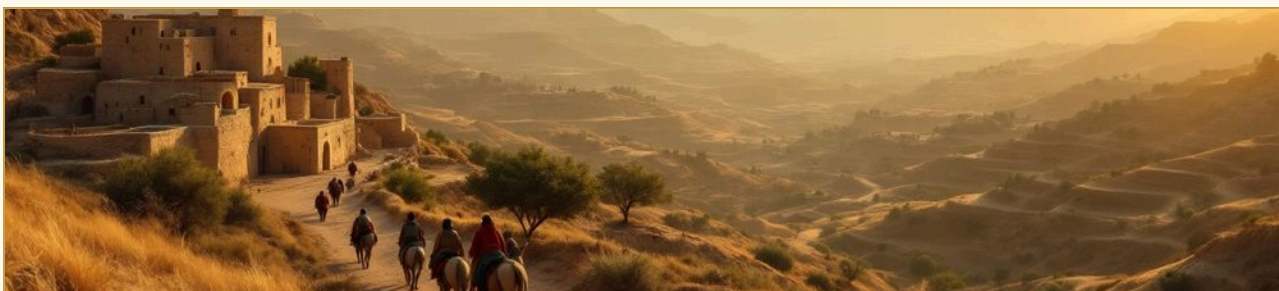
ВЫВОД РАВА

Никакое событие в истории не может произойти без месирут нефеш.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Мы часто говорим: этим займётся кто-нибудь другой. Возможно, это правда — и именно в этом проблема. Что каждый здесь знает, что должен сделать, но откладывает, рассчитывая на другого? Какой ценой и чьими руками это иначе совершится?

Йехудим в изгнании, Израиль на своей земле

ВВЕДЕНИЕ

Можно было бы подумать, что Пурим, праздник изгнания, перестанут праздновать, когда народ вернётся на свою землю. Мегила утверждает обратное: эти дни не пройдут, и память о них не исчезнет у их потомства.

ВОПРОС

Почему тот, кто снова стал «Израиелем» на своей земле, должен продолжать праздновать праздник «йехудим»?

ОТВЕТ

«И дни эти Пурим не исчезнут у иудеев, и память о них не прекратится у потомства их» (Эстер 9:28).

Йехуди — это атрибут еврейского народа в изгнании. Оно происходит от Йехуды, потому что Иудейское царство было изгнано последним; остальные колена рассеялись, и сегодня их следы едва различимы. Но когда мы возвращаемся в страну, у нас другое имя: мы больше не йехудим, мы — Израиль.

А Израиль — это нечто иное: борец за Б-га. Эту борьбу нельзя вести открыто среди народов; это возможно лишь тогда, когда обретена национальная идентичность. Есть определение: всякий, кто отвергает чужой культ, называется иудеем. Это верно для диаспоры. Для евреев Израиля недостаточно отказаться от авода зара: есть нечто иное, что нужно осуществить через себя.

И всё же, даже вернувшись на нашу землю, мы должны продолжать праздновать Пурим — в каждом поколении и в каждой семье.

ВЫВОД РАВА

Когда мы возвращаемся в страну, мы больше не йехудим, мы — Израиль.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Есть привычки изгнания, которые мы сохраняем даже тогда, когда условия изменились, — и есть другие, которые нужно сохранять именно для того, чтобы не забыть. Какие у нас в семье? И что конкретно могло бы для нас значить «бороться за Б-га»?

За пределами знания

ВВЕДЕНИЕ

На Песах мы вышли из Египта и стали свободными. На Пурим народ спасён — и остаётся подданным Ахашвероша. И всё же наши мудрецы говорят, что если все праздники исчезнут, Пурим не исчезнет.

ВОПРОС

Чего мы достигли на Пурим, чего не обрели на Песах, праздник нашего освобождения?

ОТВЕТ

«Мы всё ещё рабы Ахашвероша» (Талмуд); на Пурим пьют «ад де-ло яда» — до того, что уже не знаешь.

На Песах речь шла о том, чтобы принести в жертву египетского идола: мы вышли из чужих культов, мы обрели свободу. На Пурим мы превзошли ступень знания: мы находимся за пределами знания. Там уже нет разницы между добром и злом; Б-жественное присутствие здесь — и в запретном, и в дозволенном.

Это значит, что сам Аман — актёр, выведенный на сцену Тем, Кто управляет всей этой международной пьесой человечества. Великие тираны этого мира — тоже актёры.

Как мы празднуем этот доступ? Опьянением: мы оставляем разум в стороне, больше не проводим мысленных разграничений, больше не препарируем. Мы знаем, что живём в маске, в полумраке. Потому же, провозглашая единство Б-га, мы закрываем глаза рукой: это единство мы не способны понять.

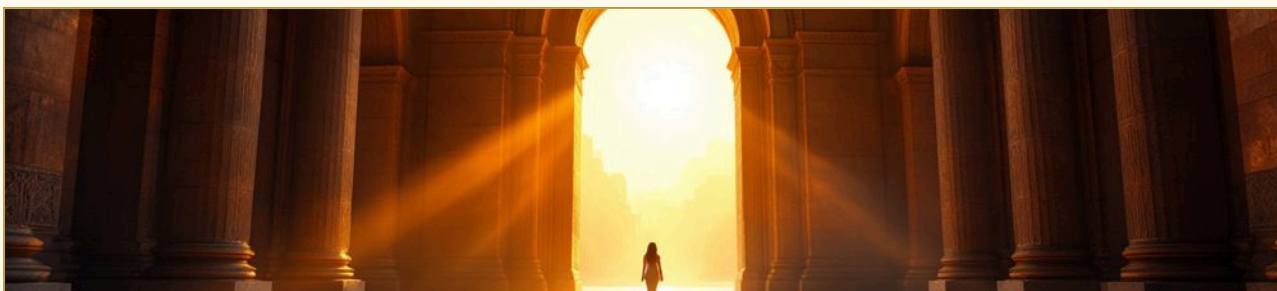
ВЫВОД РАВА

За пределами знания Б-жественное присутствие здесь — и в добре, и во зле, и в нечистом, и в чистом.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Есть испытания и люди, которых мы видим лишь «злодеями» нашей истории. А что если они тоже играют роль в пьесе, режиссёр которой от нас скрыт? Какую роль — пусть даже болезненную — сыграло в этом году то, что мы сначала пережили как несчастье?

Эстер не сказала последнего слова

ВВЕДЕНИЕ

Мегила читают развёрнутой, раскрытой от начала до конца. Для Рава у этого жеста есть смысл: рассказ не закрыт. Один мидраш даже возвещает, что в конце времён во главе еврейского народа будет стоять женщина.

ВОПРОС

Почему последний акт истории должен принадлежать женщине — и что Эстер оставила «в залог» у народов?

ОТВЕТ

Мидраш Зерубавеля: в конце времён во главе еврейского народа будет стоять женщина.

Почему женщина? Потому что именно она вбирает все элементы культуры, все течения мысли, рассеянные среди народов. По-своему таков был уже замысел фараона: уничтожить мужчин и оставить только женщин, чтобы весь еврейский гений прошёл через египетскую матрицу.

У народов Б-жественное присутствие пока лишь случайно, нечаянно, продиктовано событиями. Такова разница между пророком народов, который пророчествует урывками, и пророком Израиля, пребывающим в постоянстве откровения. Эстер оставила это присутствие в залог среди народов; его ещё нужно вернуть, дать ему направление и постоянство.

Интуиция, живущая в женщине, — это пророческое измерение: она схватывает то, что за пределами логики. Поэтому Эстер не завершила свою работу. Она вернётся, чтобы завершить начатое, до прихода Машиаха.

ВЫВОД РАВА

Мегила остаётся открытой, развёрнутой, раскрытой на всём протяжении чтения.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Мегила, которую оставляют развёрнутой, — это история, которую ещё не дописали. Какая история нашей семьи остаётся «открытой» — примирение, передача, замысел? И кто из нас чувствует, что нужно, чтобы её завершить?

Почему Адар Шени?

ВВЕДЕНИЕ

В году из тринадцати месяцев два месяца Адар. Наши мудрецы спрашивали себя, какому из них достанется Пурим. Первый Адар казался очевидным выбором: это месяц Моше, освободителя народа. Они выбрали второй.

ВОПРОС

Почему Пурим привязали к Песаху, а не к памяти Моше?

ОТВЕТ

Моше родился 7 адара и умер 7 адара.

Можно было бы привязать Пурим к первому Адару: таково естественное движение календаря, и это месяц, ближайший к дате Моше, родившегося и умершего 7 адара. Рав даже отмечает, что, не родись он обрезанным, его мила пришлась бы на Пурим. Учитывая общность миссии Эстер и Моше, было бы естественно праздновать Пурим в первый Адар.

Но наши мудрецы предпочли приблизить его к Песаху, привить его к Песаху. На Песах мы родились с понятием свободы; история же Эстер завершилась не свободой. Скорее, мы дали в ней народам сознание Б-жественного присутствия — там, где оказалась большая часть изгнанного народа.

Ибо там, где собраны сотни тысяч евреев, Б-жественное присутствие избирает себе обитель: это мы его притягиваем и делим его с народами. Вот почему наши мудрецы пожелали, чтобы эту историю завершал Песах — свобода, вновь обретенная среди человечества.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Наши мудрецы привязали незавершённую историю к празднику свободы, а не к памяти великого человека. К чему мы в нашей семье привязываем наши праздники — к людям, которых чтим, или к тому, на что ещё надеемся? Какой свободы мы ждём, которая ещё не пришла?